

Бинарной и тернарной культурным системам соответствует определенный тип исторического сознания. (6) С известной долей условности их можно обозначить как авторитарный и либеральный типы.

Однако ни определенный тип исторического сознания, ни соответствующая ему культурная система не являются величинами, раз и навсегда данными. Возникающая и функционирующая в определенных исторических обстоятельствах культурная система с радикальным изменением этих обстоятельств, в свою очередь, может существенно трансформироваться, вплоть до утраты системообразующих признаков.

Правда о проблемах Украины во Второй мировой войне не противоречит всей украинской национальной традиции, постепенно приходит ее своеобразное возвращение в отечественную украинскую историю.

В наше время очень важно предостережение и в то же время напутствие Й. Хейзинги: "Историческое сознание нашего времени должно быть бдительным, дабы не были воздвигнуты от имени истории кровавые идолы, которые поглотят культуру". (7)

Источники и литература

1. Колесов М.С. Философские очерки российской истории. – Севастополь: СНТУ. –2003. – С. 33.
2. Толченев М.П. Американско-английские фальсификаторы истории второй мировой войны /М.-П.1953; Еременко А.Я. Против фальсификации истории второй мировой войны /М.-П.1958; Жилин П.А. Буржуазные фальсификаторы истории второй мировой войны /М.-П.1959; Мерцалов А.Н. Фальсификаторы истории второй мировой войны на службе империалистов /Воронеж.-1959
3. См : Военная история-фронт идеологической борьбы (Материалы научной конференции, проведенной институтом военной истории МО СССР) / М.-В. 1972; Война,история, идеология. Буржуазная военная история на службе милитаризма /М.-П. 1974; Жилин П.А. Проблемы военной истории. М.-П.-1975;Проблемы буржуазной историографии второй мировой войны. К критике методологического и историографического аспектов новейшей литературы США, Англии, ФРГ, Франции /Ярославль.1975; Логин В.Т. Диалектика военно-исторического исследования /М.-В.-1979 и др
4. Вторая мировая война. (Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине Победы над фашистской Германией в 3-х книгах) М.-В.1966; Всемирно-историческая победа советского народа 1941-45 (Материалы научной конференции, посвященной 25-й годовщине Победы над фашистской Германией) М.-В.-1971; Великая Победа советского народа,1941-1945 (Материалы научной конференции, посвященной 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.)/М.-П.-1976 и др.
5. Великая Отечественная война 1941-1945г. Краткий научно-популярный очерк. М.,1970;2-е изд.М.,1972; Освободительная миссия советских Вооруженных Сил во второй мировой войне М.,2-е изд. М., 1974 г;
6. Логмап ЮМ. Культура и взрыв. М, 1992, с. 257-264. Цит. по: Тавризян Г.М. Йохан Хейзинга..., с. 431.
7. Цит. По: Тавризян Г.М. Йохан Хейзинга..., с. 431.

Кумкин И.А.

ОБЩЕНИЕ КАК УСЛОВИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИДЕИ ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ

Актуальность заявленной проблемы подтверждается становлением информационного общества, в котором информация обретает статус товара на рынке «спроса и предложений», как и труд человека индустриального общества. Производственное отчуждение приумножается информационным отчуждением. В этих условиях обостряется вопрос о сохранении индивидуальности и неповторимости человека, о его способности быть челом своего времени.

Проблема общения нашла своих исследователей, о чем свидетельствует анализ существующих публикаций. Но решение этой проблемы неоднозначно. Одни полагают, что общение тождественно коммуникации. Другие рассматривают ее в качестве особого вида человеческой деятельности.

Цель статьи – рассмотреть общение как особое состояние социальной активности. Цель определила и задачи:

- рассмотреть феномен общения как объект социально-философского анализа;
- исследовать общение через диалог автономных субъектов;
- определить силу и слабость интеракционистского подхода к рассмотрению взаимодействия людей;
- провести сравнительный анализ деятельности, коммуникации и общения;
- выявить потенциал общения как предпосылку формирования гражданского согласия.

В качестве методологии востребованы принципы, подходы, методы, общелогические приемы и ключевые слова, обеспечивающие категориальный каркас исследования.

Среди принципов, выполняющих своеобразную точку отсчета исследования, были задействованы когерентность, синергия, каузальность, объективность и конкретность истины. Были востребованы системный и интервальный подходы. Они обеспечили адекватное восприятие предмета исследования. Хорошо себя зарекомендовали методы единства исторического и логического, компаративистики, восхождения от абстрактного к конкретному, а также метод аксиологической интерпретации.

Были задействованы также приемы анализа и синтеза, абстрагирования и обобщения. Среди ключевых слов следует отметить: общение, деятельность, коммуникация, диалог, субъектно-объектные отношения, субъектно-субъектные отношения, коллективное сознание и самосознание, коллективная воля, гражданское согласие.

В границах антропосоциогенеза человек заявил о себе через отношение людей к природе и отношение людей друг к другу. Отношение людей к природе сложилось через становление и развитие трудовой дея-

тельности человека, а отношение людей друг к другу – через общение. Первое вылилось в действиях, а второе – во взаимоотношениях. Формой выражения действия (деятельности) и взаимоотношения (общения) явился поступок как единица жизнедеятельности человека, для становления и развития которого общение не менее важно, чем труд.

Изначально общение людей осуществляется через диалог, который имел достаточно жесткий предел. Он не распространялся на природу, предмет труда и раба как одушевленного орудия труда [1].

Новая ситуация сложилась в эпоху Средневековья. В рамках парадигмы теоцентризма складывается диалог Бога и человека. Этот диалог определил все другие формы общения человека и с природой, и друг с другом. Более того, отношение человека к Богу обусловило право индивида на добровольный и ответственный выбор своего поведения с ориентиром на осуществление принципа «возлюби ближнего как самого себя».

Новое, димистифицированное понимание человеческого общения внесла Эпоха Ренессанса. Если Данте Алигьери декларировал земное предназначение человека, то Пико делла Мирандола обосновал возможность человека подняться до заоблачных высот или опуститься до скотского состояния, ибо человек делает себя сам в условиях свободного, а стало быть, ответственного выбора. В свободе выбора мыслитель эпохи Возрождения видит «высшее и восхитительное счастье человека, которому дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет» [2].

Переход от традиционного общества к индустриальному обществу существенно меняет не только нормативную пирамиду социальной регуляции людей, но и редактирует отношение людей к миру и друг к другу, что находит свое выражение в известной формуле Томаса Гоббса «человек человеку не Бог, о волк» [3]. Пройдя свое становление в фазе «пещерного капитализма» индустриальное общество, заявило о себе философией Просвещения, требованиями этического и эстетического воспитания человека с ориентиром на осуществление общечеловеческих ценностей, на реализацию симпатий к Другому.

Постепенно складывается традиция рассматривать в качестве философского анализа не только отношение человека к природе, но и отношение человека к человеку. Гносеологическое отношение субъекта к объекту обрело иную ипостась, через отношение «Я» к другому «Я» в форме отношения субъекта к субъекту. В этом направлении особенно преуспела немецкая классическая философия от И. Канта до Г. Гегеля. Правда, субъектом в этой философии выступает не сам человек, а его сознание. И тем не менее, сказав свое «слово», немецкая классическая философия заложила основания для последующего «дела» постклассической философии. Философия жизни, экзистенциализм, марксизм, прагматизм, неотрейдизм, персонализм и философская антропология выходят на уровень реального, конкретного отношения человека к человеку.

Оформление субъектно-субъектного отношения повлекло за собой необходимость решения проблемы понимания другого через исследование феномена общения. В исследовательской практике общение воспринималось исключительно в форме диалога, который может состояться только в том случае, если его стороны в состоянии понять и принять друг друга в качестве суверенных и независимых субъектов, преследующих свои интересы, но готовых обсуждать и решать судьбу общих интересов. В общении и через общение складывается возможность не только согласования позиций, но и возможность достижения согласия с ориентиром на взаимопомощь.

Практика показала, что феномен взаимопомощи более значим, чем борьба за существование. Преодолевая сложившиеся стереотипы, анализируя значительный эмпирический материал, П. А. Кропоткин имел все основания обосновать тезис о том, что закон взаимной помощи имеет гораздо большее значение, чем закон взаимной борьбы [4].

Эффективность закона взаимной помощи вырастает на порядок в условиях человеческого общежития, где каждый, преследуя свои цели, свои интересы, не должен забывать, что его частная жизнь протекает в русле публичной жизни, где есть другие с ориентиром на свои интересы. А поэтому, даже «худой мир предпочтительнее войны» ибо он предполагает возможность если не взаимопомощи, то хотя бы возможность избежать активного противостояния.

Дальнейшее осмысление человеческих отношений складываются в условиях оппозиции государству, когда авторитету власти противостоят адепты идеи гражданского общества с культом индивидуализма и поиском форм диалога в системе коммуникаций, отдавая себе отчет, что встреча с другим может быть «дорогой не только в рай, но и в ад».

Вероятно этим объясняется появление так называемых романов солидарности Э.М. Ремарка, Э. Хемингуэя, А. де Сент-Экзюпери и других. Романы, где, воплощена идея солидарности, стали своеобразной реакцией на реальное отчуждение человека от всего, всех и даже от самого себя.

XX век сделал человека и человеческие взаимоотношения объектом исследования различных отраслей науки: социологии и социальной психологии; психиатрии и психоанализа; лингвистики и семиотики; теории массовой коммуникации. Каждая отрасль научного знания имела свой предмет, свои цели и задачи исследовательской практики. Решение этих задач приумножало объем знаний о способах взаимодействия людей в процессе их жизнедеятельности, обеспечивало возможность решать практические задачи. К примеру, психоанализ лечил психические расстройства, а теория массовых коммуникаций обеспечивала оптимальную модель социально-организованной деятельности людей. Но при этом терялось целостное восприятие общения, как особого взаимодействия «Я» и «Других», в результате чего складывается неповторимая социальная реальность. Эта реальность обуславливает жизнедеятельность отдельного «Я», определяет условие его поведения и поступков.

Сложившаяся социальная реальность предстает как мир непрерывающейся коммуникации людей, решающих с помощью столкновения точек зрения (мнений) сложившиеся проблемные ситуации. Другими словами, мир живет в коммуникации, оптимальной формой выражения которой является диалог. Диалог выступает универсальным условием человеческого бытия. Поэтому проблема диалога, взаимопонимания и открытости различных культур, особенно в условиях этнического многообразия выступает жизненной не-

обходимостью. Эта необходимость неизмеримо возрастает, когда некоторые силы общества (кланы, клиентелы) начинают эксплуатировать различие культур, преследуя свои интересы.

Концепцию диалога, как альфы и омеги общения, разрабатывают М. Бубер, Г. Марсель, Э. Мунье и другие, полагая, что человек общителен по своей природе. Общение, наряду с трудом, выступает тем атрибутом человеческого «Я», которое делает индивида членом своего века (своего времени). Когда исчезает возможность общения на уровне субъектно-субъектного отношения, тогда наступает тотальное отчуждение человека от самого себя. В этих условиях влечение к другому перерождается в ненависть; потребность подменяется враждой; притяжение трансформируется в отталкивание. Чуждость и зло обретают статус демаркационной линии между субъектами. Общение обретает свою противоположность. Оно превращается в чистую коммуникацию, формальную процедуру связи между «отправителем» и «получателем» информации, теряя собственное назначение быть условием познания и самопознания. Только в диалогическом контакте, в общении с Другим возможно практическое решение проблем человека.

Ценность общения заключается в том, что оно обеспечивает взаимодействие (интеракцию) индивидов в обществе, которое иногда воспринимается только в качестве «системы коммуникаций и межличностных отношений». Один из известных авторитетов в области социальной психологии Т. Шибутани обосновывает продуктивность интеракционистского подхода, полагая что «человеческая природа и социальный порядок являются продуктами коммуникации». Стало быть, поведение людей правомерно рассматривать «как результат взаимных уступок людей, зависящих друг от друга и приспособляющихся друг к другу. Внимание исследователя должно быть сосредоточено на взаимном обмене, который происходит между человеческими существами, поскольку они вступают в контакт друг с другом» [5].

В этом заявлении просматривается и сила, и слабость интеракционистского подхода к рассмотрению процессов взаимодействия людей, особенно в политическом пространстве. Сильная сторона этого подхода проявляется в том, что он ставит под сомнение целесообразность абстрактно-индивидуалистического восприятия человека. Что касается слабой стороны, то интеракционистский подход реализует взаимодействие людей только на уровне взаимного приспособления и уступок. Забвению предается тот факт, что люди – это не только носители и исполнители определенных социальных ролей, но и неповторимые индивидуальности, а поэтому характер их взаимодействия всегда будет конкретным. Их взаимная симпатия или антипатия в каждом случае будет конкретна и неповторима. Характер взаимодействия людей будет определяться индивидуальностью сторон диалога, их чувствами и предпочтениями. Но мера такой императивности скорее условна, чем безусловна. Участники диалога могут «наступить на горло» своим межличностным отношениям и отыграть диалог на уровне конвенциональных ролей, где социальная реальность включает механизм формулы «положение обязывает». Другими словами, уровень взаимосвязи и взаимодействия людей при решении вопросов частной жизни, которая осуществляется в рамках публичной жизни, может включать как коммуникацию (ответ на вызов), так и общение как меру соучастия участников диалога.

Если коммуникация организации и управления человека человеком осуществляется в форме диалога, то потенциал взаимосвязи субъектов диалога неизмеримо возрастает. Коммуникация может выходить за рамки конвенциональных (социальных) ролей. Она не исключает и возможность духовного единения людей, и тогда она становится тождественна общению. Это особенно важно помнить в условиях становления информационного общества, где информация, как и труд в условиях индустриального общества, становится товаром, где человеческое «Я», с точки зрения интеракционистского подхода, включается в систему рыночных отношений, заявляя о своей потребительской стоимости. К счастью, у человека остается возможность того духовного единения на уровне диалога, когда общение выступает сферой самовыражения и самоосуществления. И в этом смысле, общение профилактирует тотальное отчуждение личности в обществе, несет в себе надежду сохранить свою индивидуальность и утвердить себя «в действительном общении с другими», реализуя «естественное отношение человека к человеку» [6]. Другой для человека – это зеркало. Поэтому только через другого человек начинает относиться к себе как к человеку, постигая свою сущность в своих поступках на уровне диалога, где другой – это не только объект внимания, но и субъект социальной активности. Пока существует диалог, человек будет сохранять свою родовую сущность, профилактируя отчуждение человека от человека.

Из этого следует, что общение – это многоаспектное, сложное образование, где информационный процесс обусловливает осуществление процесса взаимодействия людей; где определенным образом выстраиваются отношения людей друг к другу, а процесс их взаимного влияния осуществляется рядом с процессом сопереживания и взаимного понимания сторон диалога [7].

Диалог обеспечивает особое качество общения. Общение не без основания претендует на целостный характер. Оно предполагает свой базис и надстройку, явленное и предполагаемое, формальное и содержательное, конвенциональное и личностное (духовное).

Своим потенциалом общение заявило, что оно больше чем предмет социальной психологии. И не без оснований общение рассматривается в качестве одного из трех основных видов человеческой деятельности, наряду с трудом и познанием [8].

Несомненно, что в определенном смысле общение можно рассматривать как особый вид деятельности наряду с деятельностью трудовой и деятельностью познания (освоения мира). Но в отличие от общения, структуру которого составляют субъектно-субъектные отношения, деятельность имеет свою структуру, элементами которой выступают субъект деятельности и объект деятельности. Это отношение предполагает довольно сложную систему посредника, ориентированного на обеспечение смысла деятельности; формирование концепции деятельности на основе идеи деятельности; формирование идеала деятельности как отправной точки построения проекта деятельности и ее нормативных целей, конкретизации задачи и средств обеспечения деятельности; формирование установки на действие, конкретные технологические операции и достижение результата.

Деятельность предполагает самокорректировку. Это значит, что в процессе деятельности могут возникать новые обстоятельства, новые интересы и тогда может быть осуществлена саморегулировка в системе отношения субъекта и объекта деятельности, что приводит к существенному редактированию цели.

В деятельности заложена тенденция к совершенству. Это еще одна ее характерная черта. В процессе деятельности открываются новые возможности освоения объекта, которые требуют новых знаний и новых навыков от субъекта деятельности. Дальнейшее осуществление этих знаний и навыков обеспечивает дорогу корректировки цели и ее реализации в более совершенных формах.

Деятельность изначально ориентирована на решение проблемы познания и на преобразование объекта интереса. Только познание объекта интереса способно отредактировать цель деятельности и определить оптимальные пути преобразования объекта с учетом сложившихся потребностей.

Все эти характеристики деятельности и обеспечили возможность человеку создать искусственную природу как благоприятную среду своего обитания и осуществления. Благодаря этим характеристикам деятельность заявила о себе как способ бытия людей, как способ освоения людьми мира, как способ удовлетворения их потребностей и интересов.

В отличие от деятельности с ориентиром на опредмечивание единства материального и идеального, общение есть та условная деятельность, которая разворачивается процессуально и ориентирована на объективацию субъективного, что принципиально отличает общение от деятельности.

Исследуя общение, М. С. Каган справедливо полагал о необходимости тесно увязать теорию и практику, рассматривая специфику проявления и осуществления общения в области политики и права, в сфере обслуживания и научной деятельности, что с необходимостью актуализирует вопрос о культуре общения. Это особенно важно в условиях трансформационных процессов современного общества, в условиях этнического плюрализма и конфессионального многообразия, где повседневные бытовые контакты обретают свою этническую специфику и религиозную «окраску», определяющие активность участников диалога и их способность понять и принять друг друга. Активность каждого из участников диалога находится в прямой зависимости от их свободы (от их воли к жизни, воли к власти над другими и воли власти над собой). Здесь возможны два варианта: индивид (участник) диалога является заложником воли другого или своей квазииндее. Дальше конвенционального ролевого общения как коммуникации он не продвинется. Еще более отягощенная участь его ожидает, когда индивид выступает заложником своей идеи, замешанной на ложных ценностях. Вместо конвенционального ролевого общения в этом случае возможен максимализм и проявление нигилизма, склонность к конфликту.

Что касается меры понимания другой стороны и ее принятия, то и здесь возможны варианты в диапазоне от симпатии до антипатии, от установления родства душ до взаимонеприятия и исключения другого. Эти крайности находятся в зависимости не только от познания другого, но и оценки этого другого в соответствии с ценностными ориентирами участников общения. А это уже свидетельствует, что субъектно-субъектные отношения не укладываются в границы гносеологического анализа, ибо они ориентированы на аксиологическую интерпретацию в рамках сознательной, свободной, ценностно-избирательной деятельности каждого участника общения.

Ценности составляют стержень мировоззрения как системы взглядов на мир и на место человека в мире. Они определяют отношение человека к миру проблемной ситуации. Индивид может располагать исчерпывающей информацией относительно объекта особого внимания. Более того, он может полагать, что владеет и информацией самосознания. Но если он не проецирует это со-знание как знание объекта (субъекта) и самосознание через определенную шкалу ценностей, носителем которой он выступает, он не сможет сформировать образ своего оптимального отношения к объекту особого внимания, а стало быть, не сможет и контролировать ситуацию. Не он, а другой будет делать выбор и брать ответственность за этот выбор (развитие субъектно-субъектного отношения).

В результате диалог как оптимальная форма общения трансформируется в монолог с ориентиром на диктат и экспансию интереса одного из его участников. В таких условиях гражданское согласие как цель и средство общения из реальной возможности трансформируется в абстрактную идею, которая хороша лишь на уровне декларации. Декларация косвенно подтверждает процесс десубъективации, потери уникальности и превращения одного из участников общения в объект манипулирования. Что же касается субъекта, то в силу своей уникальности и неповторимости, он требует к себе и индивидуального подхода.

Проблема общения многократно актуализируется, когда речь идет о совокупном субъекте. Субъектом может быть не только отдельно взятый человек, который в социальном измерении заявляет о себе как личность, а его отношение в процессе общения заявляет о себе как проблема конкретной личности. Субъектом может быть малая или большая группа людей. Это социальное образование сложилось не механически в форме толпы на время, а органически. В результате складывается качество целого, не сводимое к качеству элементов сложившейся системы. Таким системным качеством выступает коллективное сознание и самосознание, а также коллективная воля с готовностью к действию, которое включает выбор целей, способов и средств их осуществления. Самосознание обеспечивает структурную реорганизацию социальной группы «в себе» в группу «для себя» с ориентиром на собственную стратегию и тактику в границах сложившегося социума. Отношение «Я» и «Другой» уступает место отношению «Мы» и «Они». И это отношение уже заявляет о себе как проблема малого или большого социального образования, от деятельности которого может существенно измениться развитие конкретной страны.

Коллективное сознание и самосознание, а также коллективная воля, в свою очередь, определяется содержанием культуры, уровнем ее развития, основу которой составляет определенная шкала ценностных ориентиров. Культура через цивилизацию может обеспечить достойный ответ на исторический вызов и предложить оптимальное решение проблемной ситуации. Но культура может и усугубить проблемную ситуацию, если речь идет о кризисной культуре «большого» общества; субкультуре преступного мира или культуре конкретной клиентелы, когда не ставится вопрос, а можно ли праведную цель творить неправед-

ными средствами, а делается ставка на цель, которая оправдывает любые средства.

В философской литературе продолжается разговор о природе общения, его сущности. Одни полагают, что общение является одним из основных видов человеческой деятельности [9]. Другие рассматривают общение как производное общественных отношений [10]. Но общение можно рассматривать и как специфическое проявление человеческой активности с претензией быть самостоятельным объектом анализа, особенно в условиях становления информационного общества, где информация, как и труд, обретает форму товара и в этом качестве поступает на рынок.

Если общение тождественно информации (общая теория коммуникации), то индивид XXI века обречен на тотальное отчуждение от всего, от всех, а главное, от самого себя. И только общение может существенно поправить сложившуюся тенденцию.

Общение – это нечто, что принципиально отличается от деятельности и коммуникации, а посему и сохраняет за собой то, что обеспечивает человеку, при любом раскладе, возможность сохранять свою индивидуальность и неповторимость, обеспечить за собой статус субъекта социальной активности. Только статус субъекта обеспечивает подлинное общение, а не квазиобщение (коммуникация или один из видов человеческой деятельности), где доминируют субъектно-объектные отношения.

Для того, чтобы общение состоялось нужен диалог двух субъектов, носителей сознания и самосознания, а также воли как условия сознательного, свободного и ответственного выбора своих позиций. В общении информация не убывает, а увеличивается в процессе ее циркуляции между партнерами. Тогда как в коммуникации ее количество уменьшается в процессе ее движения от отправителя к получателю. В условиях общения, и это еще одна отличительная черта общения от коммуникации, происходит не трансляция, а сотворение новой информации на уровне согласованной воли субъектов диалога, когда состояние каждого участника диалога превращается в их общее достояние. Это объясняется тем, что диалог, как форма выражения общения, обеспечивает взаимодействие разных точек зрения, контекстов, кругозоров, акцентных систем, социальных «языков».

Наконец, структура коммуникации в основном монологична, ибо она ориентирована на сообщение, а структура общения диалогична и не может быть иной [11]. Общение возможно только и только в системе субъектно-субъектных отношений с ориентиром на паритет, компромисс и толерантность, где «вызов – ответ» основан, прежде всего, на симпатии друг к другу, на понимание и принятие другого. Ибо диалог, как средство общения, предполагает не только уникальность участников диалога, но и их принципиальное равенство друг другу, ориентацию на понимание и даже на предвосхищение ответа, а также на взаимную дополнительность ответа, при сохранении своей оригинальной точки зрения. Другими словами, диалог – это процесс столкновения разных умов и разных истин, когда в результате складывается единая истина и общая культура, в основе которой лежит общая шкала ценностных ориентиров. Такое понимание принципиально разводит коммуникацию и общение. Общение может быть и коммуникацией, но коммуникация, в чистом виде, не может быть общением. Только в общении каждый из субъектов обращается к другому «как к своему единственному слушателю и интерпретатору своей исповеди, ориентированной как по содержанию, так и по форме на этого и только на этого партнера общения» [12].

Но разводя общение и коммуникацию, следует избежать претензий на определение степени значимости того или другого феномена через сравнение совершенства или социальной ценности. И та, и другая формы взаимосвязи людей равно необходимые. Они имеют лишь разные сферы действия, которые могут быть востребованы по необходимости.

Каждый индивид в процессе своей жизнедеятельности вынужден совмещать статус субъекта и объекта, осваивать искусство переключаться из роли ученика в роль учителя; из роли исполнителя в роль организатора; из роли приемника информации в роль ее интерпретатора и т. д. Стало быть, проблема заключается не в приоритетах, не в предпочтении, а в ясном понимании, где и когда может быть востребованы коммуникация и сообщение как отношение субъекта к объекту, а где и когда общение и диалог будут востребованы как отношение субъекта к субъекту. Можно и топором осуществить хирургическую операцию, но лучше это сделать надлежащим инструментом, если рассчитываем на получение полноценного результата. Решая проблему выбора коммуникации или общения, следует использовать методологию интервального подхода. Этот подход требует раскрыть предельные основания коммуникации и общения, определить меру общего и установить степень различия.

В отличие от коммуникации, ориентированной на систему субъектно-объектных отношений, обеспечивающих прием и переработку информации, общение, как форма выражения субъектно-субъектных отношений, основано на диалектике различия партнеров, участников диалога и их стремление к единству. Это стремление не устраняет их различие, а обеспечивает единство многообразия, единое представление, единую истину, общую культуру восприятия и общую оценку проблемной ситуации. В результате складывается приобщение субъекта к субъекту, организация их взаимодействия и принятие своей взаимообусловленности, обретение духовной общности.

Что касается сообщения как атрибута коммуникации, то оно несет лишь информацию, которая может быть истинной, а может быть и ложной. Коммуникация ориентирована на сиюминутность формальных отношений субъекта к объекту, а не глубинных отношений субъектов, свободных и сознательных в выборе своих поступков.

Если крайней формой общения является исповедь (откровенное самораскрытие) с ориентиром на достижение духовной общности, то крайней формой коммуникации выступает дезинформация для того субъекта, который выступает в качестве объекта особого внимания, а подчас и манипулирования. За дезинформацией скрывается подлинное намерение, преднамеренная ложь выдается за правду. Особенно этим грешат политики, выписывая векселя, которые не собираются оплачивать.

Из этого не следует, что коммуникация – это плохо, а общение – хорошо. Каждая из этих форм взаимо-

связи людей располагает своим потенциалом, который востребуется по необходимости, как на уровне межличностных отношений, так и на уровне общественных отношений. История свидетельствует, что исповедь – покаяние могут быть востребованы не только отдельными личностями, но и целыми народами о чем свидетельствует опыт Второй Мировой Войны и последующую практику немецкого народа. Также и дезинформация может быть использована как отдельными лицами, так и социальными структурами общества, его институтами.

Осуществив сравнительный анализ общения и деятельности, общения и коммуникации можно сделать вывод о том, что общение больше чем коммуникация. Оно ориентировано на достижение той общности активно и свободно действующих субъектов сознания и самосознания, когда их совокупными усилиями осуществляется процесс преумножения знания о проблемной ситуации и обеспечивается оптимальный путь ее решения. Каждый партнер общения, участник диалога сохраняет свою неповторимую индивидуальность и веру в «Другого», преодолевая ограниченность личного опыта и формируя психологическую установку на осуществление определенного вида деятельности.

За этой достаточно высокой оценкой общения следует еще один вывод о необходимости постигать искусство общения. Общение больше чем сумма знаний и навыков. Оно предполагает особую психологическую и нравственную подготовку, способность отдавать себя, чтобы получить «себя» и жить для «Другого». Общение требует освоения диалога языка, взгляда и улыбки. Общение ориентировано на освоение и усвоение таких принципов как компромисс и толерантность, справедливость и солидарность. Наконец, общение предполагает согласование и формирование согласия, которое начинается на гносеологическом основании, а завершается на уровне аксиологической интерпретации.

В процессе приобщения к ценностям партнера, участника диалога, решается проблема не столько воспитания, сколько самовоспитания через сравнительный анализ и последующую инвентаризацию ценностей на пути формирования единой шкалы ценностных ориентиров, определяющих единую точку зрения в поиске ответа на вопросы «что есть что» и «кто есть кто» и формирующих общую культуру и духовную общность.

Если мыслители прошлого говорили о пиршестве духа и роскоши общения, то ныне, когда индустриальное общество сменяется информационным, когда в обществе не работает старая шкала ценностей, а новая еще не сложилась, когда бал правят неопределенность и психологическая напряженность, общение уже не является роскошью. Оно заявляет о себе как абсолютная необходимость, без осуществления которой переходный период между индустриальным и информационным обществом еще долго будет напоминать о себе этапом разрушения и поколением дестроеров.

Источники и литература

1. Аристотель. Соч. В 4т. – М., 1983. – Т.4. – С.236.
2. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. – М., 1962. – Т.1. – С.508; Монтень Ш. Опыты. – М., 1977.
3. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения в 2-х т. – Т.2. – М., 1991. – 731с.
4. Кропоткин П. А. Современная наука и анархия. – М., 1990. – С.274.
5. Шибутани Т Социальная психология. – М., 1969. – С.26
6. Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года. – Соч. – Т.42. – С. 96,115 – 118, 125.
7. Парыгин Ю.Д. Основы социально-психологической теории. – М., 1971. – С.178.
8. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. – Л., 1969, с.322; Каган М. С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. – М., 1988, с.75; Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М., 1981. – С.370.
9. Каган М. С. Мир общения. – М., 1988.
10. Буева Л. П. Человек: деятельность и общение.
11. Буш Генрих. Диалогика и творчество. – Рига, 1985. – 316с.
12. Каган М. С. Указанное сочинение. – С. 155.

Масаев М.В.

ТРОИЦА КАК СИМВОЛ ХРИСТИАНСТВА И СИМВОЛ СТРУКТУРЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА В КОНТЕКСТЕ ПОСТИЖЕНИЯ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Российский философ А. А. Ивин полагает, что особый интерес представляют две специфические черты коллективистического мышления: «постоянное воспроизведение им проблемы триединства и энергетическое тяготение его (коллективистического мышления - М. М.) к диалектике, доходящее в тоталитарном обществе до попыток построить особую диалектическую логику».[1,с.168-169], а также [2].Оставим вторую специфическую черту коллективистического мышления на совести А. А. Ивина, Г. В. Ф. Гегеля и таких идеологов тоталитарного коллективистического общества как К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин и И. В. Сталин. Рассмотрим его (коллективистического мышления) первую специфическую черту, но сделаем это в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций, концепцию которых (парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций) мы рпзрабатываем с 2000 года.[3],[4],[5],[6],[7],[8],[9],[10],[11],[12],[13],[14],[15],[16],17,[18],[19].

Наиболее последовательно идея триединства разработана в христианском вероучении о Пресвятой Троице. Согласно христианскому догмату триединства единая божественная сущность есть внутри себя личностное отношение трех «ипостасей», или «лиц» - Отца (безначального первоначала), Сына (Слова, Логоса, или абсолютного смысла) и Святого Духа («Господа животворящего», или «животворящего» на-